

М. Горький и нижегородские поэты 900-х годов.

В юбилейные дни славного писателя уместно вспомнить и об его отношении к нижегородской поэтически настроенной молодежи 900-х годов. Это был период быстро восходящей славы М. Горького и в то же время — период подъема рабочего движения после долгого затишья. В поэзии тогда преобладали два основных и противоположных течения: с одной стороны — улагодный, эстетический модернизм (декадентство) и родственный ему символизм, а с другой — в противоположность им, — звучал бодрый голос последователей классической школы, — пушкинского лиризма и некрасовского реализма. К первым относились ныне умершие или оставшиеся в белой эмиграции: К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, В. Брюсов, А. Белый, Вяч. Иванов, Э. Гиннигус и отчасти А. Блок. Ко второй группе мы причисляем: И. Бунина, А. Федорова, К. Фофанова, Л. Андрусона, Г. Галину, П. Якубовича (П. Я.), В. Тала-Богораза, Святальца (С. Петров), Е. Тарасова, В. Ващенко и др. Между этими литературными течениями в 1901—905 г. и был предоставлен выбор тогдашней молодежи.

За литературным направлением и творчеством этих писателей следил тогда и наш нижегородский кружок начинающих поэтов, который составляли: Н. Новиков, А. Суслев, С. Тихий (Блюков), Г. Чудов и пишущий эти строки. Среди нас также были некоторые разногласия во взглядах на поэзию, но, в общем, кружок целиком и полностью принимал пушкинскую школу и некрасовские традиции трагик-

данственности. С последним не соглашался только Суслев, поклонник так называемой, «чистой поэзии».

Конечно, на первых порах литературного опыта мы, как и другие начинающие поэты, нуждались в деловых указаниях и советах, в объективной и авторитетной оценке своего творчества. В качестве такого авторитета, естественно, был выбран М. Горький, по счастливому совпадению, живший тогда в Н.-Новгороде. К нему и пачалось паломничество нашего кружка. Встречал М. Горький нижегородских поэтов всегда весьма радушно, с искренним желанием помочь.

Первым по времени посетил его весной 1900 г. Ник. Новиков, начавший писать стихи еще в деревне (д. Новинки, Нижегород. у.) и уже выгустивший брошюру «Песни крестьянина». Как «парень от сохи», он в своих стихах, естественно, отдавал дань крестьянскому быту и его темноте, при чем в стихах порою поучительно философствовал. И когда М. Горький пробежал его тетрадь, то заметил:

— Затем эти длинноты и сугубое желание поучать? В стихах это не годится. В стихе должна быть музыка, образность, сжатость формы и оригинальное...

Конечно, с этим нельзя было не согласиться. В помощь поэту Горький дал книгу книг по истории русской и общей, кое-что из беллетристики. А главное рекомендовал заходить к нему за книгами... В этом сказывалась заботливость писателя о развитии начинающего поэта. Прежде чем дать отзыв о стихах, А. М.—я всегда и под-

робно расспрашивал приходящих к нему о том, что они читали, и каждый раз рекомендовал прочесть что-либо новое.

Осенью того же года Н. Новиков заходил к М. Горькому уже вместе с другими начинающим поэтом—А. Сусловым. Последний признавал принцип «искусство для искусства», у него преимущественно небольшие, изящные вещицы, «поэтика под Тютчева и Фета», а у остальных преобладали гражданские мотивы. В разговоре с ними М. Горький, дополнительно к уже сказанному, высказала свои соображения о поэзии. Он, между прочим, говорил, что «в настоящей поэзии не следует слишком задаваться идейностью» и советовал поэтам «просто записывать то, что выливается из души».

— Не стремитесь много писать, а старайтесь выработать форму и стиль,—советовал он.

Поэты все начинающие поэты, в том числе и мы, имеют склонность к преувеличению того значения, которое им подобает в жизни и поэзии. Отсюда—самоинение, высокопарность формы и проч. отрицательные стороны. Если Пушкин писал: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», то нам казалось, что и мы можем сказать нечто подобное, не сознавая, что «можем» это еще не значит, что имеем основание... К тому же в это время модный поэт Бальмонт выкрикивал: «Я заключил миры в едином взоре, я—властелин». Или: «Я—изысканность русской медвятельной речи, предмною другие поэты—предтечи», и т. д.

Хотя этому мы не особенно верили, знал таких колоссов поэзии, как Пушкин и Лермонтов, Байрон и Гейне,—тем не менее, поэтическое «бахвальство» заражало и нас. Суслов писал, что «зрял себя поэтом в златом венце и с пламенем в очах», что «держал он лиру перед светом, и громко пел, волнуя кровь в сердцах», и «крутом я

слышал гром рукоплесканий, к моим ногам народ цветы бросал» и т. д. У П. Новикова в одном из стихотворений говорилось: «Мой голос, как колокол правды, звучал».

Все это, конечно, не могло не вызывать улыбки у М. Горького, знатока поэтики и художественного слова вообще, и он добродушно указывал, например, Новикову:

— Вот если бы вы получилие познаниями с тем, о чем пишете, если бы жизнь, как следует поломала вас самих, тогда и стихи у вас вылились бы правдивее... Где и когда ваш «голос звучал колоколом правды»? Это—выдумка...

В то же время М. Горький любил стихи оригинальные, и не только «от души». Не раз он указывал посещавшим его поэтам, что в их стихах не хватает оригинальности, и при этом ссылался, как на образец, на стихи К. Бальмонта и Мирры Лохвицкой. Когда же ему указывали (Суслов) на «крайности» бальмонтовской поэзии, вроде выше приведенных, М. Горький с этим соглашался, но признавал это исключением.

— Или вот напишите что-нибудь, вроде «Алчара» Пушкина или «Утеса» Лермонтова. Несомненно, вас напечатают и похвалят.—предложил он однажды тому же А. Сулову.

Предложенная Горьким задача, конечно, была нашему кружку не по силам, ибо он указал на шедевры классической поэзии двух величайших поэтов.

Некоторые из стихотворений Горький находил, впрочем, удовлетворительными, как у Новикова, так и у Сулова, и обещал напечатать или в журн. «Жизнь» или «Ниж. Листке». В общем же он советовал больше работать над собой, читать, учиться и не торопиться писать. Как и Новикову, он говорил Сулову:

— Вам нужно еще учиться. Не торопитесь печататься. После, когда разовьетесь и будете писать лучше, — вам будет стыдно своих прежних промахов. Приходите ко мне за книгами, буду давать, какие найдутся.

Пишущий эти строки лично к Горькому со стихами не обращался (но встречался по револ. движению) и передал тогда свою тетрадь через близкого к нему в то время сырьвого студента с.д. Бор. Морковина, при чем Горький дал мне совершенно аналогичные советы, как и упомянутым товарищам. Первая тетрадь моего поэтического опыта (1901—1902 г.), подписанная псевдонимом «Андрей Одипокий», так и осталась у Горького, копии же у меня не было... Об этом я несколько не жалею, ибо если бы Горький когда-нибудь ее напечатал, мне пришлось бы, вероятно, краснеть за несовершенство первого стихотворного опыта.

Вместе со стихами мною был передан для отзыва беллетристический набросок «Орел», из жизни босяков, написанный тогда под непосредственным влиянием горьковской литературы. Он привнес набросок заслуживающим печати, но, помня его совет «не торопиться с печатанием», я не сдал его тогда ни в одну газету, а после и самому этот набросок разонравился, хотя я и имел потом полную возможность напечатать его. Стихи я начал печатать (в местных и столичных газетах) только с 1905 г., когда почувствовал, что обладаю сравнительно удовлетворительной техникой стиха. С. Тихий, кроме стихов, писал злободневные наброски из сормоской жизни, в с «благословения» Горького также печатал в «Ниж. Листке». Н. Новиков писал и печатал рассказы в «Волгаре».

Ранней весной 1905 г. наш кружок деботировал выпуском коллективного сборника стихотворений, под названием «Весенний шум». Содержание его можно было рассматривать, как

некоторый результат влияния горьковских советов, с одной стороны, и, с другой, как отражение революционных настроений данного момента. Тогда под напором рабочего движения впервые задало «политической весной», и тому же двое из нас (С. Тихий и я) были связаны с с.д. партией. Лично я уже дважды успел побывать в тюрьме...

Местная критика отметила тогда хорошие мотивы (гражданские) сборника и в то же время указала на значительные недостатки формы. Техника стихов действительно была еще далеко не совершенна. Ибо все мы были выходцами из рабочих низов и никакой школы по теории словесности не проходили. Мы — самоучки, шли ощупью, и наши стихи того времени — не более, как первые для Нижегородского края проблески рабочей поэзии.

С тех пор минуло четверть века. Новейшая литература, в том числе и рабочая поэзия, в лице ее лучших представителей, далеко шагнула вперед, оставив по части техники, да и по силе воображения позади прежних поэтов и беллетристов. Современные писатели (не все, конечно), выступают в печати, уже пройдя основательно школу теории литературы, под руководством лучших мастеров. И нам, писателям старого порядка, приходится, к сожалению, признаться в отсталости от новейших рабочих поэтов и беллетристов.

На последнюю по времени мою брошюру «Мятежные вихри», М. Горький в одном из писем ко мне (от 29 дек. 1927 г.) отзывался так: «Дорогой Александр Андреевич, — если сравнить ваши стихи со стихами таких поэтов-рабочих, каковы: Герасимов, Базиц, Жаров, — сравнение будет не в вашу пользу». Указав на технические недостатки, он говорил дальше: «Все это — недостатки, которых уже не встретить у молодых стихотворцев. Они,

вал, палтр., Гирсанов, Приблудный и т. д.—сразу начинают писать технически почти безукоризненно. И для того, чтобы встать рядом с ними, вам тоже следует заняться техникой стиха; всякое мастерство нужно хорошо знать, если хочешь хорошо работать».

Эти замечательные строки назидательны для многих прежних и теперешних советских поэтов. М. Горький —строгий критик, но строгий объективно. Когда нужно, он не щадит и себя. В этом же письме, вслед за приведенными строками, он делает откровенное признание и о себе лично:

«Я, вот, пишу 35 лет, а посмотрите, как стал писать прозу поэт Н. Тихонов. и подумаешь: отстал, брат! Это говорится не для утешения вашего, это—факт; уже многие из молодежи, начавшей печататься 10, 7, 5, 3 года тому назад, пишут не хуже меня. Как всякое дело,—литература требует непрерывного совершенствования».

Я стал нужным привести выдержки из этого письма потому, что считаю

его поучительным вообще для писательской братии и в частности—для современной молодежи. Среди нее и у нас, нижегородцев, есть вполне способные к поэтике ребята, как, например, Панин, Жижженков и Рюриков. Но советы Горького, данные мне, могут быть отнесены и к ним. Закончим А. М.—вич письмо ко мне добрым, дружеским советом, который также может относиться ко многим другим:

— «Учиться—никогда не поздно»,—это сказано очень правильно. И мой дружеский совет вам—учитесь. Читайте возможно больше поэтов, для того, чтобы хорошо, тонко слышать музыку стиха, только для этого. Писать вам, разумеется, есть о чем».

На протяжении 25 лет М. Горький—теперь уже писатель мировой величины—поддерживает дружбу с поэтами нижегородцами. И, конечно, они не могут не быть участниками своего учения.